

Климов Григорий Петрович

**БЕРЛИНСКИЙ КРЕМЛЬ.
КРЫЛЬЯ ХОЛОПА**

Субъект

Москва

2024

Говорят, что во времена царя Ивана Грозного какой-то холоп изобрёл слюдяные крылья, чтобы летать, как птица. Он залез на колокольню, приладил крылья, прыгнул вниз — и убили. С тех пор выражение «крылья холопа» употребляют в смысле стремления подневольного человека вверх, к правде, к свободе, к счастью, что, однако, далеко не так просто. Так, окрылённый этими чувствами, русский солдат выиграл войну — и проиграл послевоенный мир.

Поэтому 2-е дополненное издание книги «Берлинский Кремль» выходит под новым названием «Крылья холопа», что в данное время более соответствует содержанию книги.

Автор — самый обычный русский человек, солдат и гражданин. Автор имеет меньше оснований обижаться на Сталина, чем большинство русских. Он ровесник Октябрьской Революции, вступивший в активную жизнь практически в первые дни войны 1941 года. Его мысли и переживания — это то, чем живёт и что думает молодое поколение советских людей.

Автор не ренегат коммунизма, так как он никогда не был членом ВКП(б). Он знает теорию и практику сталинского коммунизма как и каждый русский — своей кровью, своим телом. Автор вовсе не исключение в современном советском обществе, он любит свободу и демократию не больше и не меньше, чем любой из русских.

Книга эта — по существу дневник, хотя автор не ставит целью описание своей личной жизни. Книга эта — о советских людях сегодняшнего дня, о тех, кто и сегодня ещё носит золотые погоны, водит танки и самолёты, живёт и трудится по ту сторону Железного Занавеса.

Если эти строки попадут в Берлин, то многие советские солдаты и офицеры, — гораздо больше, чем это описано в книге, — втайне подумают: «Да ведь это же про меня самого написано!»

Автор

Глава I

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

1

«Кли-и-имов!» — проникает откуда-то издалека сквозь грубое сукно шинели и свинцовую усталость солдатского сна.

Нет, это, наверное, мне просто снится. Под натянутой на голову шинелью так тепло. Свеженаломанные ветки под брезентом плащ-палатки такие мягкие и уютные. Конечно, это мне только снится!

«Капитан Кли-и-имов!» — снова раздаётся в ночной тишине. Слышно, как кто-то вполголоса переговаривается с часовым, шагающим между сонными рядами палаток.

Можно сравнительно легко обходиться без пищи, но оставаться без сна значительно труднее. Как-то утром, сладко потягиваясь и поправляя висящие на поясе ручные гранаты, я заинтересованно посмотрел на своё ночное ложе. Ночью, забравшись в разрушенное здание, я в темноте нащупал какую-то угловатую кучу и, разбросав её поровнее, завалился спать. Не помню, что мне снилось, но утром я обнаружил, что спал посреди развороченной кучи толовых шашек. Здание дрожало от обстрела, а я сладко похрапывал на целой тонне динамита. Да, великое дело — фронтовой сон!

«Приказано немедленно явиться в Штаб Фронта, — доносится голос, переговаривающийся с часовым, и снова громче: — капитан Кли-и-имов!»

Э-э! Штаб Фронта — это не шутка. Тут под землёй разыщут. Я сбрасываю служащую одеялом шинель. Сырой, пропитанный испарениями болот воздух, смешанный со специфическим солдатским запахом, густо наполняющим палатку, ударяет в лицо. Пищат

невидимые комары. Стараясь не беспокоить спящих, я задом выползаю из палатки.

«А-а-а-а?! — крихчу я, ещё полупьяный ото сна. — Кого тут, собственно, кличут? Климова, что ли?»

«Товарищ капитан, посыльный из Штаба Фронта», — докладывает из темноты часовой.

«Где он там? В чём дело?»

«Товарищ капитан, Вам приказ», — сержант в кожаном шлеме протягивает мне продолговатую бумажку.

«Капитана Климова Г. П. откомандировать в Управление Кадров Штаба Ленфронта к 8.00 17 июля 1944 года», — читаю я при свете карманного фонаря. Внизу пометка рукой командира КУК-Са: «Приказываю немедленно выбыть в УК Ленфронта».

«Хм, должно быть, что-то интересное! Хотя недаром разбудили», — думаю я и спрашиваю сержанта: «Есть какие-либо дополнительные приказания?»

«Приказано немедленно отвезти Вас в Штаб», — отвечает тот, нажимая ногой на стартёр связного мотоцикла.

В прицепе мотоцикла с меня слетают последние остатки сна. Мы трусимся по ухабам запущенной лесной дороги, осторожно перебираемся через ветхие бревенчатые мостики, проезжаем по полусожжённой безжизненной деревне. На фоне светлеющего неба чернеют каменные трубы печей и расщеплённые артиллерийским обстрелом доски крыш. Колёса мотоцикла буксуют на песке, плавная качка, рычание мотора, затем мы переваливаемся через травянистую канаву и с облегчением чувствуем под собой гладкое плотно асфальтированного ленинградского шоссе.

В лёгком, стелющемся над влажной землёй, утреннем тумане мелькают аккуратные пригородные дачи в зелени деревьев. Поблёскивают зеркальной гладью лужи мелких озёр и бесчисленных болот. Бледно-жёлтые пятна песчаных дюн. На горизонте поднимаются к небу трубы ленинградских фабрик и заводов. Ровной светло-серой лентой летит нам навстречу прямое, как стрела, шоссе.

Да, ночной вызов в Штаб обещает быть интересным! Попусту не гоняют курьеров и не поднимают людей среди ночи из болота. Мои соседи по палатке сейчас просыпаются. Увидев моё пустое место, они обрадуются сначала, что вытянули меня, а не кого-ни-

будь из них. Узнав же, что меня вызывали в Штаб Фронта, они заинтересованно почешут затылки и переглянутся.

Курсы Усовершенствования Командного Состава Ленинградского Фронта — КУКС, где я волею судеб обретаюсь на сегодняшний день, — это довольно специфическая воинская часть. «Антикварная лавочка», как говорят курсанты.

Здесь можно встретить сравнительно молодых людей, обросших бородами и усами самых диковинных фасонов. Эти угрюмые типы даже в жаркую пору таскают на голове меховую шапку кубанку с красной шёлковой лентой наискосок — знак партизанского звания. Это — бывшие офицеры и командиры партизанских отрядов, из которых теперь выколачивают партизанский дух и приучают к армейской дисциплине.

Вскоре после освобождения Ленинграда из кольца блокады в январе 1944 года в городе торжественным парадом было отмечено вступление партизан Ленинградской области. Через месяц в Ленинград с фронта были поспешно отозваны несколько спецбригад НКВД для разоружения расходившихся лесных вояк. Партизаны вели себя в городе, как завоеватели во вражеской крепости, и с пытающимися призвать их к порядку милиционерами разговаривали не иначе, как на языке ручных гранат и автоматных очередей. Милиционеров они считали своими потомственными врагами и открыто хвастались, кто сколько «лягашей» уложил.

После парада и последующего разоружения всех партизан без особого шума загнали в телячьи вагоны и переправили в спецлагерь НКВД. «Диким» партизанам поют гимны в газетах как национальным героям-патриотам, но когда они из лесов попадают на свет Божий, то их первым делом зовут перед ясные очи НКВД. Чем вы, собственно, занимались, граждане партизаны?

Одно дело — регулярные партизанские отряды из переодетых частей Красной Армии или полурегулярные, имеющие присланных из центра командиров и центральную радио- и авиасвязь. Но если вы околачивались в лесах и выходили на «продразвёрстку», только когда кончались самогон да сало... Тогда держитесь — не помогут вам и красные ленточки на лбу!

Перетрусив и перемыв бывших партизан в десяти водах, НКВД отправляло их в регулярную армию, а командиров — для перекалфикации на КУКСы, подобно КУКСу Ленфронта.

На КУКСе мои уши часто ласкают загадочные слова:

«Ты откуда — из “восьмёрки”?» — спрашивает один.

«Нет, из “девятки”», — нехотя отвечает другой.

Оказывается, «восьмёрка» и «девятка» — это 8-й и 9-й Штурмовые Батальоны Ленфронта. Так называются офицерские штрафные батальоны, где офицеры пускаются в бой в качестве рядовых солдат. Если они останутся в живых, то снова получают прежнее офицерское звание. Если останутся в живых... Потери в штурмбатах составляют обычно 90–95 процентов состава после каждой боевой операции.

Когда Красная Армия перешла в наступление и начала освобождение оккупированных немцами территорий, то всех бывших советских офицеров, обнаруженных на этих территориях, собирали и, подобно партизанам, отправляли в спецлагеря НКВД. Тех, кого НКВД считало недостойными для показательной виселицы, после такого предбанника отправляли в следующее отделение чистилища — в штурмовые батальоны. Там им предоставлялась возможность кровью искупить свою вину перед Родиной. Пока воюйте! После войны будет время поговорить более детально.

Оставшихся в живых после кровавой купели, как правило, из госпиталей, — из штурмбатов уйти можно было только лишь буквально ценой пролитой крови, — для окончательного перевоспитания отправляли на КУКСы. У моих товарищей по КУКСу я часто видел солдатские книжки из штурмбата, где после строк «рядовой» и «пехотинец» на обороте стояла пометка «полковой комиссар» или «командир эскадрильи».

Да, любопытный человеческий материал на нашем КУКСе! Практически это — долговременный резерв Ленинградского Фронта. Чтобы офицеры не жирели и не слонялись без дела, их с серьёзным видом заставляют играть в солдатик. Бывшего командира пулемётной роты учат сборке и разборке пулемета системы «Максим», а командиру стрелкового батальона объясняют устройство винтовочного затвора непревзойдённого образца 1891 года.

На КУКСе большой процент «новых украинцев». Когда Красная Армия отступала из Украины, то многие солдаты из местных жителей, проходя мимо родных сёл, запросто бросали винтовки в канаву и шли «до дому». «Пропади она пропадом, эта власть!» — сплёвывали они вдогонку отступающим частям.

Когда Красная Армия начала изгонять немцев с Украины, то «домоседов» быстренько собирали, — этим занимались даже не военкоматы, а сами командиры передовых частей, — совали им снова винтовки в руки и, даже не переодев в шинели, в чём были — в первую линию боя! Их так и называли — «пиджачники». Берега Днепра, как весенними цветами, пестрели трупами в разноцветной гражданской одежде.

Рядовой состав, обычно без фильтрации органами НКВД, включался в действующую Армию. Свести мелкие личные счёты государства и личности можно будет позже. На данном этапе больше требовались солдаты для Армии, чем рабочая сила для концлагерей.

На КУКСе хотя и не произносилось вслух, но чувствовалось некоторое напряжение между украинцами и русскими. Украинцы больше помалкивали, как провинившиеся младшие братья. Русские иногда беззлобно замечали: «Эх вы, хохлы...»

«Эх! Эти немцы..! — вздыхали украинцы. — Не оправдали нашего доверия, сучьи дети!»

Однажды по батальонам КУКСа заходили списки. Среди курсантов искали крымских татар. Я помню расстроенное лицо старшего лейтенанта Хайфутдинова, когда он заполнял графы этого списка против своей фамилии. По слухам мы знали, что всё без исключения население Крымской АССР по приказу Кремля меняет квартиру. За нелояльное к советской власти поведение во время немецкой оккупации несколько миллионов людей переселяют в Сибирь, сами республики ликвидируются.

Среди курсантов этот приказ повёл к следующему разговору:

«А калмыки знаешь, как под Сталинградом работали? — сказал один. — Немцы спереди прут, а те сзади. Целыми полками по ночам вырезали!»

«Интересно, почему это донские и кубанские казаки без дела сидели?!» — добавил другой.

«От казаков-то что осталось? Рожки да ножи, — отозвался третий. — Ведь эти теперешние казачьи части — там ни одного казака нет. Только и есть казачьего, что лампасы!»

Офицеры не возмущались, что калмыки вырезали их полки. Они только удивлялись, почему казаки бездействовали. Донские и кубанские казачьи области издавна считались антисоветскими

гнёздами. Там с особенной жестокостью был применён искусственный голод 1933 года. До 1936 года казаков, как единственную из национальных группировок, не брали для регулярной службы в Армии. Теперь для людей было поразительно, что казаки, испокон веков славившиеся своим свободолюбивым духом, не выступили против Советской власти.

Среди курсантов много бывших армейских политработников. Большинству людей этой категории сняли голову ещё в спецлагерях НКВД. Зато те, кто благополучно проскочил и эти лагеря, и штурмбат, оказались действительно чертовски живучими. Попав на КУКС, они с подлинно коммунистической волчьей хваткой, зубами и когтями вцепились в своё прежнее хлебное ремесло — должность пастухов человеческого стада. Несмотря на все сита и воды НКВД, они даже в игрушечных условиях КУКСа умудрились никому не известными путями пролезть на должности командиров наших курсовых подразделений. Курсанты никогда не пропускают удобного случая как будто по ошибке язвительно обращаться к ним «товарищ политрук» или «товарищ комиссар», хотя эти звания теперь в армии упразднены.

Несмотря на разношёрстный состав, «антикварная лавочка» является оживлённым местом торга. Почти каждый день в КУКСе появляются таинственные комиссии — «покупатели», как зовут их курсанты.

Например, требуются партизаны в Югославию. Условия — 25.000 рублей на бочку, месячный отпуск, затем парашютная высадка в Югославии. Учить людей не требуется — народ уже достаточно тёртый. Записываются в очередь. В особенности бывшие партизаны, которым не даёт покоя армейская дисциплина. То неожиданно массовые поиски людей с польскими фамилиями — набор в польскую «национальную» армию, не знаю уж, какую по счёту. Следующий раз требуются кандидаты в Высшую Разведшколу РККА. Условия — звание не ниже майора и законченное высшее образование. Даже при столь жёстких условиях кандидатов хватает.

Эта оживлённая торговля объясняется острой нехваткой специальных кадров в Армии. Здесь же в КУКСе масса свежего, ещё не рассортированного человеческого материала, который до последнего времени, в партизанах или на оккупированных территориях, был недоступен для учёта.

Большинство моих товарищей по КУКСу — это буквально люди с того света. Молодой мужчина с седыми висками спокойно, даже с некоторой неохотой, рассказывает свою историю. О том, как он бежал через всю Европу из немецкого плена во Францию, о своём повторном пленении уже на оккупированной территории России, затем кацет и снова побег. Как он дважды был под расстрелом, как он, тяжело раненный, выбрался из могилы из-под трупов товарищей. О двух годах партизанской жизни в болотах и лесах Ленинграда. И в награду за верность Родине — чистилище лагерей НКВД, кровавая купель штурмбата и, наконец, тихая заводь КУКСа.

Почти у каждого курсанта КУКСа за плечами подобный путь. Это были единицы. Сотни остались лежать по обочинам этого пути. Характерно, что эти люди не любили рассказывать свои истории.

Среди такого состава я был настоящим молокососом, к тому же невинным, как новорождённый младенец. Я попал на КУКС из 96 Особого Полка Резерва Офицерского состава — ОПРОС 96 после ранения в боях за Новгород и трёхмесячного пребывания в госпитале.

Как раз в момент моего нахождения в госпитале в б. Инженерном Замке или, как его называли раньше, Павловском Дворце, Ленинград гудел неожиданной вестью. По постановлению Ленинградского Совета все важнейшие исторические улицы и площади Ленинграда были снова переименованы — им вернули их прежние дореволюционные имена. Невский проспект из «Проспекта имени 25-го Октября» снова обернулся Невским. Марсово Поле избавилось от своей столь же косноязычной клички и опять стало Марсовым. Мы смотрели на всё это и только диву давались. Наверное, скоро и колхозы отменят...

Штаб Ленинградского Фронта помещается в огромном подковообразном здании б. Генерального Штаба напротив Зимнего Дворца. Необходимый мне подъезд Управления Кадров выходит внутрь знаменитой исторической Арки Генерального Штаба. Сквозь эту Арку в 1917 году революционные матросы и красногвардейцы Петрограда штурмовали Зимний Дворец.

В приёмной на толстых метровых подоконниках сидят, болтая ногами, несколько офицеров.

«Капитан, ты тоже сюда?» — обращается ко мне один из них. Получив утвердительный ответ, он задаёт мне неожиданный вопрос: «А ты на каком-нибудь иностранном языке балакаешь?»

«А что тут, собственно, покупается и продаётся?» — спрашиваю я в свою очередь.

«Пока что устраивают экзамен по иностранным языкам. И чего я их, дурак, раньше не учил?!» — с тоской вздыхает лейтенант, поглядывая на дверь.

«Производят набор в какую-то спецшколу или даже Академию, — поясняет мне другой. — Первое условие — знание какого-либо иностранного языка и законченное среднее образование. Видно что-то солидное. Говорят, далее в Москве», — тоном скрытого вождения добавляет он, безнадежно чмокнув губами.

Из-за завешенной портьерой двери выскакивает потный и красный офицер.

«Эх, чёрт... Как по-немецки “стена” называется? “Окно” знал, “стол” знал, а вот “стену” забыл... Ах, досада..! Теперь, наверное, не выгорит моё дело, — бормочет он разочарованно, отирая pilotкой пот со лба. — Слушайте, хлопцы! Учите скорее всё, что в комнате есть. Он пальцем кругом тыкает и спрашивает, как это называется».

Из ожидающих в приёмной офицеров двое знают финский язык, один — румынский, у остальных — школьные знания английского и немецкого. Какие эти знания, мне хорошо известно. Чем у людей меньше шансов, тем больше желания попасть в загадочное место, где требуется знание языков. Всё, что связано с иностранным, автоматически щекочет в носу и возбуждает фантазию. К тому же людишки что-то определённо пронюхали, и каждый старается скрыть это друг от друга, как бы кто не занял его место. Недаром все так волнуются.

Я невольно ухмыляюсь. Тут вам не пять частей затвора образца 1891 года! Производя тактическую разведку, я мирно заваливаюсь на стоящую в дальнем углу скамейку и, накрыв лицо pilotкой, продолжаю прерванный ночной отдых. Армия притупляет чувства и делает из человека автомат. Пусть другие грызутся за своё счастье, от меня оно не уйдёт.

Когда называют мою фамилию, я прохожу в дверь кабинета и по всем правилам гитлеровской армии стучу сапогами и рапор-

тую по-немецки таким громовым голосом, что сидящий за столом майор испуганно содрогается.

Он недоумённо смотрит на меня, наверное, думая, что меня спросить — «стол» или «окно», затем спрашивает что-то по-русски, я отвечаю по-немецки. Майор-экзаменатор — снова по-русски, я опять по-немецки. В конце концов, майор не выдерживает, смеётся и, предлагая мне стул, спрашивает: «Где это Вы, капитан, так наловчились?»

Я вынимаю из кармана мои документы доармейского периода, каким-то чудом сохранившиеся у меня, и кладу их на стол перед майором.

«Ага, вот это замечательно, — говорит он. — А я сначала подумал, что Вы немец. Так я Вас сразу проведу к полковнику».

Через вторую дверь он проводит меня в соседний кабинет и представляет начальнику Управления Кадров: «Товарищ полковник, вот верный кандидат! Насчёт языка можете не беспокоиться — он меня уже напугал. Я думал — диверсант». Он оставляет на столе папку с моими бумагами и удаляется.

Полковник действительно не беспокоится о языке. Он сразу начинает моральную обработку. Для офицеров очень важна и строжайше проверяется морально-политическая характеристика.

«Так вот, капитан Климов, — начинает полковник. — Мы хотим послать Вас в очень ответственное и привилегированное Высшее Учебное Заведение Красной Армии». Тон у полковника явно торжественный.

«Чтобы Вы поняли меня, я обрисую Вам ситуацию», — продолжает он. «Москва требует от нас ежемесячно определённый контингент кандидатов. Мы посылаем их в Москву, все они там проваливаются ко всем чертям и затем их нам с ругательными письмами возвращают обратно. Этих неудачников мы затем отправляем в штрафные роты», — как бы попутно замечает он, бросив на меня многозначительный взгляд.

Хлопнув ладонью по пачке украшенных двойной зелёной линией бумаг на столе, он продолжает: «Москва ежедневно бомбит нас шифровками — давайте людей! А их у нас нет. Это одна сторона дела. Теперь другая сторона. Вы с КУКСа, там много людей с подмоченным прошлым. Я не спрашиваю Вас, какой у Вас хвост — подмоченный или нет. Во всяком случае, Вы должны быть безу-

пречно чистым. Без этого Вы не попадёте туда, куда мы хотим Вас послать. А послать мы Вас должны! Понимаете?!»

Мне нравится оригинальная откровенность полковника. Вот что значит найти правильного покупателя! Тут и подмоченный товар за первый сорт сойдёт. Я успокаиваю его, что у меня всё в абсолютном порядке.

«Мне наплевать, всё ли у Вас в порядке или нет, — отвечает он. — На этом КУКСе много всяких чудачков. Вчера один из ваших бывших полковников клялся мне, что он пехотный лейтенант. Мы его хотим послать в Разведшколу, а он упирается как козёл — говорит, что не умеет писать».

Пример полковника меня не удивляет. Люди, раньше занимавшие ответственные посты, пройдя этапы, обычно предшествующие КУКСу, теряют вкус к чинам и ответственным должностям и мечтают только об одном — чтобы их оставили в покое.

«Может быть, и Вам такая блажь в голову придёт, — звучит голос начальника Отдела кадров. — Так повторяю — это дело серьёзное. Если нам нужно Вас послать — так пошлём! Никакие фокусы Вам не помогут. В противном случае мы можем повернуть дело так, что Вы не хотите служить в Армии. Знаете, чем это пахнет? Трибуналом!» — веско заканчивает полковник. Он уже знает, что курсантов КУКСа после штурмбатов не запугаешь какими-то штрафными ротами. Тут только Трибунал ещё может помочь, т. е. верный расстрел.

Меня невольно заставляет улыбнуться комичность положения. Там, за дверью, люди потеют и дрожат, мечтая попасть в неизвестное заманчивое святилище. А здесь полковник угрожает мне расстрелом, если я вздумаю почему-либо отказываться. Иными словами, он даёт мне понять, что, если у меня есть какие-либо компрометирующие данные в прошлом, то я должен забыть о них и не писать в анкете. Об остальном полковник позаботится.

Окинув меня критическим взором, полковник снимает трубку телефона и звонит в Штаб КУКСа:

«Так, вашего Климова мы отправляем. Приготовьте все бумаги по форме 12-а. Чтобы с двенадцатичасовым поездом он выбыл в Москву, — говорит он начальнику Штаба. — Потом, что они у вас бегают оборванные, как бродяги? Немедленно переоденьте! Чтобы не срамил наш фронт в Москве».